

Переодетый в самый непримечательный наряд Фэн Мин оказался зажатым между Жун Ху, который стоял с левой стороны, и Ло Юнем, что находился справа. Теряясь в людской толпе, он изо всех сил вытягивал шею, оглядывая место казни.

Ни для кого не было секретом, что вино юцзы, отправленное в столицу, тотчас же скисло, а само дело в отношении Чао Аня, разумеется, являлось сфабрикованным.

Сегодня преступника вот-вот обезглавят, потому почти все[1] жители Фэньчэна собрались у городских ворот, дабы поглазеть на казнь.

— Несчастный...

— Ага, по слухам, он как-то оскорбил наследного принца.

— Замолчите! Ты что, жить не хочешь? Потихе говори.

Полдень ещё не настал, а люди, тяжело вздыхая, перешёптывались.

— Почему сегодня должна прерваться жизнь? Такого честного человека казнят. Ах, жаль ещё и матушку.

— Ага, действительно жалко, ещё его жена с большим животом.

Фэн Мину продвигаться вперёд сквозь людской перешёпот было очень тягостно, опираясь на Жун Ху и Ло Юня, при взгляде на которых приходило осознание — с ними шутки плохи, князь наконец-то добрался до места казни, встав очень близко.

Место казни представляло из себя деревянную временную постройку из двух помостов: на верхнем, что был очень большим и открытым, размещалось несколько обитых шёлком столов, по-видимому, это специально отведённые места для ответственного за исполнение смертного приговора и других чиновников, а нижний пустовал — официальное место, где должны были казнить приговорённого. На этом нижнем помосте располагался толстый деревянный пень — конечно же, во время обезглавливания преступнику нужно было опускаться на колени и класть голову на этот пень. И само собой разумеется, в их с Фэн Мином план этот пень совершенно не входил.

Ведь, несмотря на свои огромные таланты, Фэн Мин не мог вернуть публично отрубленную голову обратно, воскрешая несчастного. А что касается магии, то князь больше представлял из себя трёхпалую кошку[2], которая множество раз смотрела по телевизору магические шоу.

И чтобы этот план сработал, нужно было две вещи: во-первых, необходимо, чтобы винодела видела толпа народу, а во-вторых, уповать на милость Небес...

— Муж мой! Муж... — непрерывно раздавался душераздирающий плач со стороны помостов. Жена Чао Аня и по совместительству младшая сестра Тайцаня вся растрёпанная стояла на коленях и плакала так, что печень с внутренностями разрывались на мелкие кусочки[3]. С ней вместе плакали не только старая матушка, но и «тяжело больной» Тайцань.

— Младшая сестрица... младшая сестрица, тебе нельзя плакать. Ты ещё беременная, а тех, кто нарушил государственные законы, ждёт только казнь, и с этим ничего нельзя поделать, не принимай близко к сердцу... — Тайцань, намазавшийся неизвестно откуда взявшимися белилами, которые придавали лицу ужасающий бледный оттенок, сейчас рыдал, заливаясь слезами и соплями, ещё сильнее, чем младшая сестра, и, охваченный горем, продолжил: — Ненавидь старшего брата, не нужно было приводить тебя к городским воротам, такие хорошие супружеские узы прервутся, и станешь ты вдовой, несчастный мой пока нерождённый племянник...

Стенания чиновника резко изменили[4] настроение у плачущих — каждый бросал косой взгляд, каждый сокрушался. Фэн Мин прекрасно понимал: мужчина играет, однако всё равно невольно обомлел — эта актёрская игра... разве не достигала своего апогея?

— Князь Мин, заключённого вывели, — приглушённый голос Жун Ху раздался над ухом.

Фэн Мин вытянул шею и взглянул: действительно, у городских ворот появилась толпа мужчин, как раз направлявшихся в сторону места казни. Все эти мужчины были облачены в обычные воинские наряды и держали в руках длинные копья; охрана с двух сторон вела исхудавшего мужчину, одетого в тюремную форму, руки которого были связаны за спиной. После каждого шага несчастный останавливался, он был так ослаблен, что казалось, душа вот-вот покинет тело.

— Привели! Привели!

— Скоро обезглавят? — толпа, увидев заключённого, слегка забеспокоилась.

Время почти подходило к полудню, после морозящего затяжного дождя сегодняшние солнечные лучи выдались невероятно тёплыми.

— Почему Лэ Тин ещё не явился? — в недоумении пробормотал Фэн Мин, глядя на пустую циновку генерала.

Жун Ху тоже понимал, что происходит что-то неладное:

— Верно, он уже давно должен был приехать.

— Должно быть, задержался в пути.

— Возможно-возможно.

— Нет. — Ло Юнь настороженно оглядел площадь, на которую стеклись множество людей, и, подмечая холодным взглядом всё вокруг, юноша процедил сквозь зубы[5]: — Случилась беда.

Услышав его уверенный тон, князь почувствовал, как сердце пропустило удар, лицо побледнело, а сам он, деланно улыбаясь, сказал:

— Не может быть. Наш план... Всё было тщательно продумано.

Жун Ху не понравилось, что Ло Юнь начал запугивать Фэн Мина, и, взглянув на него, спросил:

— Откуда ты знаешь, что стряслась беда?

— Это чутье убийцы, — обронил Ло Юнь, после, не обращая внимания на взгляд Жун Ху, обернулся и взглянул на Фэн Мина: — Разве молодому господину не хотелось столкнуться с чем-то опасным, чтобы закалить храбрость и мужество? Так вот он, Ваш шанс.

На самом деле князь уже порядком разволновался, а услышав слова слуги, ещё больше забеспокоился и пролепетал, заикаясь:

— Я имел в виду... что... что... о, Небеса, если тайна раскроется, то нас мигом окружит многочисленная армия Юньинь, а на нашей стороне здесь лишь двадцать человек охраны, которая может превратиться в двадцать тел, изрубленных чуть ли не в фарш[6]?

Собственно говоря, плохо понимая, как унять мысли, спрятав их в глубине сердца, очаровательный Фэн Мин, подвергшись угрозам, сдвинул густые брови к переносице и глупо захлопал глазами, что придало его миловидной внешности крайне жалкий вид.

Ло Юнь не думал, что от одной фразы князь напугается так, что и смех, и зло возьмёт. Окинув Его Светлость холодным взглядом, юноша прохладно вернул:

— Ну раскроется и раскроется, разве род Сяо кого-то боится? Если кто захочет ранить Вас, что ж, позволяю, только сначала пусть разделается со мной, Ло Юнем. — Несмотря на дурной тон, в словах можно было услышать понятный смысл — желание защитить Фэн Мина.

Сильно растрогавшись, князь схватил руку Ло Юня и, с силой её сжав, с улыбкой прошептал:

— Благодарю.

Ло Юнь поразился и, опустив голову, с презрением посмотрел на крепко сжатую Фэн Мином

руку, сделав едва заметное движение запястьем в желании отдернуть руку, но, вопреки ожиданиям, не смог высвободиться. Так как народу было много, неверных телодвижений не следовало делать, дабы не привлекать внимания, телохранителю оставалось только прекратить вырываться и неловко, в свою очередь, сжать руку князя, в плену которой находилась его собственная ладонь.

Как раз в это время Жун Ху внезапно проговорил:

— Приехал!

И действительно, в воротах появилась лошадиная повозка и под присмотром всадников-охранников медленно направилась в сторону места исполнения казни.

Лэ Тин являлся местным вышестоящим исполнителем власти, именно он распространил официальное сообщение, в котором говорил, что в одиннадцать часов здесь будет лично контролировать исполнение смертного приговора Чао Аня. Согласно законам Юньинь, в отрезок времени с одиннадцати до тринадцати часов дня запрещалось другим боевым возникшим и конникам приближаться к месту казни. Это правило знал каждый.

Фэн Мин, не моргая, уставился на приближающуюся повозку, как только та остановилась у деревянного помоста, лишь тогда князь резко выплюнул, давая волю своему недовольству. Кто такой важный, кроме Лэ Тина, посмел приехать сюда?

Слуги Лэ Тина, несшие службу в резиденции генерала и собравшиеся на месте казни, уже начали нервничать, заждавшись самого генерала. Увидев подъехавшую повозку, спешно направились к ней, дабы встретить вновь прибывшего.

Находящийся вдалеке Фэн Мин, во все глаза глядя на слуг, что суетились у повозки, как будто застыл, словно при встрече с чем-то странным, когда его охватило недоумение, и князь задался вопросом: «А что происходит?». Всякая на двери повозки занавеска неожиданно поднялась, и вслед за этим оттуда вышел благородного, к тому же серьезного вида, прибывший гость.

Взгляд упал не на силуэт Лэ Тина, которого все с нетерпением ждали, а на совершенно незнакомого молодого человека. Князю показалось, что он не разглядел гостя, и тотчас же протёр глаза; когда он вновь уставился на человека, его лицо резко изменилось, а сердце словно оборвалось.

И впрямь не Лэ Тин. Неужели слова Ло Юня правдивы и случилась беда...

— Специальный посланник от резиденции наследного принца прибыл! Народ, поприветствуй, встав на колени! — В момент, когда в воздухе царило недоумение, внезапно раздался громкий голос, словно раскат грома неожиданно прогремел в ушах, от страха разум и душа[7] покинули тело князя.

Услышав провозглашение, народ трусливо подчинился — один за одним люди преклонили колени, с почтением встречая посланника Его Высочества наследного принца.

«А где Лэ Тин? Куда он подевался?» — не отойдя ещё от потрясения, Фэн Мин спустя несколько минут, сам того не ведая, стал подобен журавлю среди кур[8]. Находящийся рядом Ло Юнь резко потянул за собой, заставляя молодого господина опуститься к земле и считая, что их тайное присутствие опасно раскрывать.

— Приветствуем посланника Его Высочества! Благополучия наследному принцу! — толпа вразнобой и заикаясь произнесла слова, повторяя за главным чиновником, только после этого люди небольшими группами стали подниматься с земли.

Князь последовал их примеру и тоже поднялся, и, уставившись во все глаза, тяжело дышал.

В этот ключевой момент от Лэ Тина не было ни единой весточки, однако появление посланника наследного принца... Неужели дело уже не тайное, и весть просочилась? В мгновение ока словно четыре ужасающих красных облака, опустившись на голову, подобно вспышке молнии пронзили мысли князя, разлившись багровой рекой[9].

Находящийся у места казни и только что усердно плачущий Тайцань явно почувствовал что-то неладное и сейчас, будто превратившись в зубчатоклювую тыкву-горлянку[10], таращил глаза, что напоминали очень большие серебряные колокольчики, с ужасом глядя на неизвестно откуда взявшегося посланника от резиденции наследного принца.

Как так вышло?

Ситуация была совершенно непонятной, каждый из заговорщиков обращался к своему союзнику, встречаясь с ним взглядом, но эта встреча оказалась непродолжительной, после чего что князь, что Тайцань, что его зять отводили глаза, боясь, что их могут раскусить.

Сердце билось подобно барабану. Для всех наступил волнительный момент, даже те, кого не касалось данное дело, украдкой поглядывали на незнакомого юного посланника Его Высочества, что находился сейчас на помосте.

— Почему сюда прибыл посланник от резиденции наследного принца?

— Такой молодой господин может являться посланником наследного принца? По-моему, не похож...

— Тьфу, что за ерунду ты несёшь?! Сколько людей являлись посланниками, а ты, в свою очередь, будешь указывать пальцем, говоря, похож он на посланника или нет?!

Ровно в полдень людей, что слышали молву, стало ещё больше, множество стянулось к месту

казни. Охранники, боясь, что князь может потеряться, постепенно стали прижиматься вплотную к трём мужчинам в толпе, сжимая спрятанное под одеждой оружие. Ведь когда много народа, убить кого-то легче лёгкого.

Ло Юнь тоже хорошо понимал: если случилось ужасное, то до этого стабильная ситуация станет до тошноты опасной, однако с по-прежнему каменным лицом проговорил:

— Пора на сцену, вот только в нужный момент главная роль изменилась. Как теперь поступить с фокусом — поменять или всё же не стоит, прошу молодого господина скорей принять решение.

Он всё детство провёл среди наёмников, где отрастил большой желчный пузырь[11], и чем ближе становился клинок смерти, тем спокойнее был юноша, а интонация — несколько мягче, чем это было обычно.

Услышав напоминание телохранителя, князь непрерывно прокручивал последствия раскрытия плана, и, само собой, его конечности онемели.

— Это... это... — Фэн Мин надолго остолбенел, отчаянно упираясь взглядом в то место, где изначально должен был располагаться Лэ Тин — ответственный за исполнение смертного приговора. Сглотнув слюну, князь спросил: — Как же быть?

Если сегодня Жун Ху, Ло Юнь, Тайцань, Лэ Тин и остальные попадут под удар, то виноват будет лишь Фэн Мин, именно потому, что он сам плохо продумал план и был слишком самонадеян. Как поменять представление? Мало того, что всё подверглось изменениям, так ещё чиновник, отвечающий за казнь, взбунтовался и сбежал. Это самое худшее магическое представление, какое только можно было придумать!

— Этот посланник от резиденции наследного принца и впрямь какой-то странный, — шепнул стоящий сбоку Жун Ху. — Я понимаю, что он странный, но в чём это заключается, не могу догадаться, да и время неподходящее.

На что Фэн Мин, понизив голос, сказал:

— Сейчас самое важное — как поступить? О, Небеса, если этот посланник прибыл сюда проконтролировать смертную казнь, неужели нам нужно будет взобраться на помост и вырвать приговорённого к казни из рук палача? Ах, я... Это всё из-за меня...

— Этот человек, очевидно, Сяо Лю. — Жун Ху уставился на стоящего на помосте самодовольного посланника.

Сяо Лю очень исхудал с момента их последней встречи, и телохранитель мог обознаться и действительно не узнать его. Целых два года они не виделись, как оказалось, Сяо Лю, получив

приказ государя Силэй, отправился в Юнъинь.

В то время, когда душа была охвачена страхом, князю не доставало сил на ясный слух, к тому же голос звучал тихо, потому слабо расслышав слова Жун Ху, Фэн Мин, с трудом пересилив страх, как обычно с обоснованным негодованием покачал головой, спросив:

— Скрыться[12]? Но куда? Нет, не пойдёт, ведь план является моим «договором», а желание пораньше начать казнь — моим требованием, если мы сейчас скроемся, то это будет расцениваться как «я погубил невинного», разве нет?

— Князь Мин, этот человек — Сяо Лю, — приглушённо повторил Жун Ху, указывая взглядом на юношу.

— Кто? — Фэн Мин обомлел, а в глазах заиграли искорки. — Жун Ху, ты с ним знаком? — И, словно избежав верной гибели, князь тотчас же спросил: — Может придумаем что-нибудь, дабы уладить это дело? Любые деньги — не проблема, разве Ле-эр не говорил, что в Юнъинь чиновники самые алчные? — Миловидное лицо озарилось радостью.

— Он на самом деле наш человек.

— Что?

— Это наш человек.

— Он... он... этот посланник от резиденции наследного принца... ты не мог бы ещё раз повторить?

— Он наш человек, которого государь специально отправил в Юнъинь.

Фэн Мин вытаращился на Жун Ху, несколько раз окидывая последнего взглядом с ног до головы, и, наконец убедившись, что телохранитель не шутит, застыл на долгое время, после продолжительной паузы князь резко и протяжно выдохнул. Более того, его ноги стали настолько ватными, что Его Светлость чуть не рухнул на землю.

— Свой человек?

— Верно.

— Свой?

— Тсс, князю Мину нужно держать язык за зубами, иначе привлечёте косые взгляды.

— Ах, верно-верно... Свой человек, о Небо!.. — приглушил голос князь и несколько раз сделал дыхательное упражнение, после которого до боли напряжённые нервы один за другим расслабились.

Вот уж действительно мелькнул лучик надежды[13].

О Небо, о Небо, видимо, всевышний всё же благоволил изменениям в фокусе.

«Благодарю тебя, Владыка неба!» — князь наклонил голову и всё так же с волнением взглянул на рядом стоящего Жун Ху. Он и впрямь не знал, как лучше поступить — броситься обнимать телохранителя, крепко его целуя, или же свирепо ударить ногой по подтянутым ягодицам, но, к сожалению, при сложившихся обстоятельствах князь не мог сделать ни того, ни другого, единственное, что мог — недовольно уставиться на Жун Ху и, скрежеща зубами, процедить: — Почему сразу не сказал, хочешь, чтобы этот князь умер от страха?

Телохранитель, в свою очередь, без высокомерия и заискивания пояснил:

— Ваш подчинённый тоже только что это понял.

— Как теперь поступить дальше? — вмешался в разговор Ло Юнь.

— Уф, оказывается, ложная тревога. — Князь взял себя в руки и, стараясь вернуть утраченную самоуверенность, добавил: — А дальше будем делать всё согласно нашему плану. Ничто хорошее не дается без труда, не беспокойся, раз это наш человек, то наверняка поможет нам выполнить задуманное. Ох, не думал, что Жун Тянь окажется таким молодцом, просто великолепно!

Самый тревожный момент сам собой уладился, к тому же абсолютно без потерь[14], и Фэн Мин невольно вернул изящество, с которым наблюдал за местом казни до того, как прибыл Сяо Лю.

Однако Ло Юнь внезапно прервал сие действо:

— Но я всё же не знаю, поможет ли этот посланник от резиденции наследного принца нам помочь выполнить план.

— Ик, — перепугался Фэн Мин.

На что Ло Юнь вновь заговорил:

— По-моему, он до сих пор не знает о нашем плане.

— Э? — князь медленно бросил робкий взгляд в сторону места исполнения казни.

«Не может быть! Неужели этот Жун Тянь выставил свой камень[15] лишь по чистой случайности? В самом деле не мог же он получить приказ по приезду сюда убить Чао Аня. Всё пропало...»

Пока Фэн Мин про себя вопил, что всё пропало, Жун Ху быстро успел сориентироваться — согнувшись словно кошка, незаметно протолкнулся к месту проведения казни, схватил переполошённого Тайцаня и, прижавшись к его уху, шепотом приказал:

— Скорей поднимись на помост и упади на колени, с причитаниями обращаясь к посланнику от резиденции наследного принца, а потом...

А тем временем на помосте Сяо Лю также был смертельно подавлен. Несколько минут назад он оглушил Лэ Тина, изначально рассчитывая сделать всё тайком. Однако подумав немного, юноша почувствовал лёгкое беспокойство. Так как новость о проведении казни уже была оглашена, и если чиновник, отвечающий за казнь, не появится там, на месте казни, найдётся его заместитель, который по чистой случайности может оказаться из тех лишённых человеческого облика[16] чиновников, кто лебезит перед Юн Цюанем, и, не дожидаясь Лэ Тина, сразу прикажет умертвить Чао Аня. Разве тогда все его труды не пройдут даром? Поэтому, чтобы убедиться, что подобное не произойдет, юноше ничего другого не осталось, как лично явиться на место казни.

— Господин Лю, прошу, выпейте чайку. — Так как генерал Лэ Тин лично приговорил преступника к казни, всевозможные чиновники Фэньчэна, конечно же, явились в полном составе. Но никто из них не думал, что генерал Лэ Тин внезапно исчезнет, а вместо него появится посланник Его Высочества, который по должности значительно выше пропавшего.

Как только чай был подан, эти чиновники продолжили всячески лебезить перед Сяо Лю:

— Хо-хо, такой день жаркий, а господин Лю, не щадя сил, проделал путь в тысячу ли, вот уж действительно преданность государственному делу, да-а.

— Как-то раз слышал, что господин Лю справедливый и честный, его крайне ценит и уважает Его Высочество Юн Цюань...

На лице Сяо Лю неохотно появилась шелковинка улыбки, а сам юноша, перебив слова чиновников, взглянул влево со словами:

— А почему всё ещё нет чиновника, ответственного за казнь — генерала Лэ Тина?

— Это... — Помощник Лэ Тина сам был в замешательстве и не знал, куда отправился генерал; подняв взгляд ясных глаз, мужчина ответил: — Генерал, должно быть, заработался, занимаясь

военными делами, и, вероятно, скоро прибудет.

На что Сяо Лю холодно усмехнулся исподтишка: «Ваш генерал сейчас связан и больше напоминает цзунцзы[17], к тому же находится под моим сидением повозки, боюсь, ему за всю жизнь не выбраться отсюда».

Кроме того, один из чиновников заискивающе проговорил:

— Господин Лю специально сюда прибыл, чтобы посмотреть на казнь преступника? На самом деле с его приговором всё давно ясно: если генерал Лэ Тин не приедет, то господин Лю может воспользоваться своим положением посланника Его Высочества и лично привести в исполнение казнь, что вполне возможно. — Подоплёка данного дела всем и без слов была понятна, потому слова чиновника были ничем иным как заискиванием перед Сяо Лю, через которого мужчина пытался передать, насколько он верен Его Высочеству Юн Цюаню.

На что Сяо Лю пробурчал в душе: «Этот господин, боясь, что вы самовольно казните Чао Аня, прибыл сюда и сейчас стоит рядом под жарким полуденным солнцем». Сохраняя строгость на лице, юноша притворился, что решительно настроен всеми силами послужить столь «серьёзному» делу, и благоговейно проговорил:

— Ни в коем случае нельзя так поступать. Его Высочество человеколюбивый, сочувствующий человек и очень-очень строго придерживается законов. Если господин генерал не приедет, а я, прибывший от лица Его Высочества, самовольно казнь несчастного, то разве когда новость об этом распространится, не навредит репутации наследного принца?

Не знавший меры в подхалимстве чиновник побагровел от смущения. После чего ни у кого не возникло желания вновь затрагивать тему, касаемую Лэ Тина, а кто-то подумал: «Этот господин Лю на самом деле хочет умертвить Чао Аня, иначе не подоспел бы вовремя, только ещё обрядился в личину справедливости и честности...»

А кто-то поразмышлял: «Он хочет дождаться приезда Лэ Тина, чтобы потом вместе с генералом контролировать исполнение приговора».

«Данное дело, известное каждому, было вопиющей несправедливостью, если в будущем удалось бы его опровергнуть, то привлекли бы к ответственности генерала Лэ Тина. Но, несмотря на молодость, этот юноша, напротив, довольно расчётлив».

Каждый на помосте думал о своём.

Однако Сяо Лю непрерывно наблюдал за небом. Законы Юнъинь гласили, что казнь должна была свершиться к полудню, а после полудня, если генерал Лэ Тин не появится, то, согласно закону, преступника отведут обратно в тюрьму.

На самом деле, если Лэ Тина не окажется, то Сяо Лю мог взять и лично запереть преступника в тюрьме. Вот только юноша являлся человеком наследника престола, как он мог содействовать врагу Его Высочества? В настоящее время единственным правильным решением было лишь скучать под палящим солнцем, стоя на помосте.

Как только полдень пройдёт, то, естественно, все присутствующие чиновники выдвинут предложение временно вернуть преступника в тюрьму, как и должно быть. Вот только... Терпеть целый час множество чиновников, которые заискивают, действительно невыносимая пытка. Когда терпение уже было на исходе, внезапно раздался сильный плач, эхом прокатившийся по месту казни.

— Несправедливое обвинение! Несправедливое обвинение! — рыдая в голос, Тайцань без оглядки кинулся на помост. — Чистосердечный господин! Муж моей младшей сестры действительно несправедливо обвинён! К сожалению, моя младшая сестра ещё беременная станет вдовой, как тогда жить? Вы... Вы... смилуйтесь...

Кто бы мог подумать, что такое очень тучное тело может двигаться необычайно быстро, толпа ещё не успела отреагировать, а Тайцань, уже крепко обхватив ногу Сяо Лю, разразился рыданиями. Если бы это был кто-то другой, то солдаты давно бы оттащили его и прогнали прочь. Но так или иначе это был Тайцань, служащий много лет управляющим пристанью Фэньчэн, и солдаты, понимая, что он считается официальным лицом, не осмелились отнестись грубо, остальные же находящиеся на помосте чиновники, являясь сослуживцами, смутились быть слишком жестокими, лишь наперебой закачали головами и всеми правдами и неправдами засетовали, советуя:

— Глубокоуважаемый[18] господин Тай, скорее поднимитесь на ноги. Если есть что сказать, то делайте это спокойно, народ всё же смотрит.

— Глубокоуважаемый господин Тай, Вам обидно, и мы это понимаем, но дело Вашего зятя действительно равно перед законом так же, как и других.

— Давайте всё обсудим, глубокоуважаемый господин Тай, скорее разожмите руки, ведь этот человек — посланник от резиденции наследного принца...

Будучи схваченным за ногу, Сяо Лю двинуться был не в состоянии, и помимо неловкости и оторопи, невольно ощутил лёгкую жалость к несчастному чиновнику, при этом думая: «Я официально прибыл сюда, чтобы помочь Вам». Но, к сожалению, сейчас он не мог произнести подобные мысли вслух, ему ничего другого не осталось, как с холодностью на лице вымолвить:

— Ты кто такой? Как осмелился бесцеремонно хватать этого господина? Что за несправедливое обвинение? Генерал Лэ Тин вынес обвинение согласно закону, а по твоим словам, это сделано из корыстных побуждений? Очень храбро. И всё же ты не торопишься разжимать рук! — Юноша наклонился, чтобы отцепить от себя чиновника, крепко обхватившего его ноги.

Тайцань только и ждал столь удобного случая, увидев, что Сяо Лю наклонился, мужчина

тотчас же спешно прильнул к его уху и шепнул:

— Жун Ху просит Сяо Лю о встрече. — Приятно звучащий шёпот неожиданно превратился в молнию, что поразила юношу, который сразу же обомлел.

«Этот человек... оказывается, понимает своё положение?! Жун Ху? Как Жун Ху связан с сегодняшними событиями?»

И Тайцань, словно прочитав его мысли, спешно добавил фразу:

— Князь Мин тоже находится здесь, у места казни. — И напоказ разразился слезами. Находящиеся рядом чиновники, боясь, что Сяо Лю разозлится, наконец-то набрались храбрости и, подойдя ближе, взяли несчастного под руки, а Тайцань, воспользовавшись тем, что ему не дали ни положительный, ни отрицательный ответ, с помощью своих подручных сошёл с помоста и, заняв своё первоначальное место, вытирал слёзы, утешая младшую сестру.

Проводив взглядом Тайцаня, Сяо Лю отошёл от недавнего потрясения и постепенно вернул себе первоначальный невозмутимый вид. Однако толпа чиновников посчитала, что юноша испугался Тайцаня, потому один за другим начали успокаивать, спешно спросив:

— Господин Лю в порядке? — и вновь обрушились на Тайцаня с упрёками.

Вот только сердцем юноша был не здесь и ко всем чиновникам, что говорили без умолку, оставался равнодушен, лишь взглядом непрерывно окидывал собравшийся у помоста народ, и внезапно в глазах мелькнул блеск. Действительно, Жун Ху присутствовал там. Хоть он был облачён в другую одежду, а лицо телохранителя Силэй было скрыто макияжем, но если внимательно присмотреться, то как очень осторожный Сяо Лю мог его не узнать?!

Увидев, что Сяо Лю заметил его, Жун Ху слегка помахал рукой, а тот в душе понял, и, повернувшись, подавил зевок:

— Где... здесь можно сходить в туалет?

Тут же местные чиновники со смехом спросили в ответ:

— Господину захотелось какать? У городских ворот есть отхожее место, которое вполне чистое. Может, подчинённые проводят господина Лю?

— Не стоит. — Раз уж Сяо Лю являлся посланником наследного принца, то, конечно же, повёл себя высокомерно и, отмахнувшись, вернул: — К чему стольких людей утруждать из-за такого пустяка?! — И, поинтересовавшись куда идти, юноша отправился лишь с двумя своими людьми, которые являлись доверенными лицами.

Подойдя к воротам, юноша обманчиво сделал шаг вперёд и прошмыгнул в укромное место, где его уже ждал Жун Ху. Увидев Сяо Лю, Жун Ху с силой ударил его по плечу, дабы показать насколько обрадован их встречей, после чего поспешно проговорил:

— Я знаю, что ты хочешь задать мне кучу вопросов, как и я тоже о многом хочу тебя спросить, но сейчас есть одно очень важное дело, которое не терпит отлагательств, время поджимает. Так что сначала взгляни на это. — И телохранитель Его Светлости вручил записку, что до этого держал в руке, Сяо Лю.

Взяв записку, Сяо Лю лишь мельком взглянул на многочисленные строки и недоверчиво спросил:

— Что это?

— Князь Мин твёрдо решил спасти жизнь Чао Аня. А это наш план по спасению, расписанный в деталях. К счастью, князь Мин сообразительный и на всякий случай взял его с собой, — легко разъяснил Жун Ху несколькими фразами, и с серьёзным видом обратился к Сяо Лю: — То, что подчёркнуто сверху — тебе необходимо запомнить, это твоя реплика, только будь осторожен, в данных словах нельзя допускать ошибок.

— Что?

— Ничего не поделаешь, — со вздохом сказал Жун Ху, — изначально мы договаривались с Лэ Тингом, однако когда, согласно плану, настало время контролировать исполнение смертной казни, он внезапно пропал, а отправлять людей на его поиски слишком поздно, мы вынуждены обратиться к тебе, прося его заменить. А потом, вместо Лэ Тина, сделаешь всё, что входит в обязанности чиновника, ответственного за исполнение смертельного приговора. Благодаря твоему нынешнему положению, ты всецело можешь заменить пропавшего генерала и провести «казнь». Сяо Лю, данная роль крайне важна, ведь от этого будет зависеть, спасём ли мы жизнь Чао Аня или нет, ну? Что у тебя за странное выражение лица?

— Ик, Жун Ху...

— Всё скажешь потом, после полудня весь план князя Мина провалится. — Телохранитель Его Светлости поднял взгляд к небу и обнажил шелковинку беспокойства. — Тебе сейчас крайне необходимо запомнить всё, что здесь написано, время поджимает... Я знаю, каково тебе сейчас.

— Ты только что сказал, что этот план вы уже обсудили с Лэ Тингом?

— Верно. Но к несчастью, в этот решающий момент никто не знает, куда он подевался, если он...

— Я знаю.

— ...если он своевременно прибудет, будет, конечно, хорошо... Э? Сяо Лю, что ты только что сказал?

— Я сказал, — юноша взглянул на Жун Ху, — что знаю, где сейчас Лэ Тин.

— Сяо Лю, ты знаешь? — выйдя из оцепенения, Жун Ху обнажил взволнованно-радостный вид.
— Очень хорошо! Очень хорошо! Где он? Как скоро можно его настичь?

— В моей повозке.

— В повозке? Но что он делает там?

— Честно говоря... — Сяо Лю выдавил смущённую улыбку, — он связанный лежит под моим сидением.

Не участвующие в этом деле люди и помыслить не могли, в каком беспорядке пребывала обычная на первый взгляд казнь.

Узнав, где находится Лэ Тин, Жун Ху, прибегнув к своей ловкости, коей обладал с детства, с радостными вестями бросился докладывать почти умершему от беспокойства Фэн Мину, позже также ловко и спешно выволок из-под сиденья Сяо Лю генерала и, вынув изо рта мужчины вонючую тряпку, плеснул в лицо водой из стакана, между делом одаривая генерала двумя очень сильными пощёчинами, и в конце концов привёл до сих пор оглушённого Лэ Тина в чувство.

— Этот посланник от резиденции наследного принца хороший человек, который, загоревшись благородным гневом, прибыл помочь нам, что тоже является частью представления. Это... Во всяком случае, ик, давайте действовать согласно обстановке, — прибегнув к максимально простым словам, Жун Ху понятно объяснил Лэ Тину данную удивительную ситуацию. Разумеется следующее, что нужно было сделать — продолжать аккуратно претворять в жизнь великий план князя Мина.

Кроме того, пребывающего в полузабытьи генерала незаметно для всех вывезли в захолустный уголок за городскими воротами, где посадили на коня. Спустя небольшое промедление, перед тем как истечь назначенному времени, пропавший без вести генерал Лэ Тин наконец-то «в попыхах» въехал в городские ворота. словно проделав очень долгий путь, мужчина направился к ждущей толпе народа.

— Смотрите! Скорее смотрите!

— Действительно! Генерал Лэ Тин прибыл.

— Уа! Теперь уж точно состоится казнь!

Как только тело генерала появилось перед собравшимися, на помосте, где должна была проводиться казнь, внезапно поднялся гомон. А изначально скучная атмосфера тотчас же накалилась.

— Ох... — худо-бедно проронил Тайцань, изначально считавший план по спасению зятя значительным. Подождав немного и увидев появившегося Лэ Тина перед площадью, который шатко спешил и которого спешно обступили солдаты, помогая взойти на помост, Тайцань вспомнил свою задачу и, тотчас же «разрыдавшись», принялся играть роль безудержного горемыки-«старшего брата»: — Зять! Почему твоя судьба такая тяжёлая? Ты умрёшь, оставив мою младшую сестру вдовой, а ребёнка — сиротой, как же им быть тогда? Кха-кха...

Мужчина то и дело надрывно кашлял несколько раз, словно вставляя кашель в горестную речь, заставляя толпу ещё больше думать, что он серьёзно болен. Теперь же на «сцену» взошёл только что прибывший генерал Лэ Тин, и, конечно, всё внимание было обращено в его сторону.

— Генерал прибыл, но куда Вы пропадали?

— Докладываю главнокомандующему: посланник от резиденции наследного принца — господин Лю — уже заждался Вас...

— Ох, а что с лицом генерала? На нём кровь!

Оказавшись перед внимательным помощником полководца и подчинёнными чиновниками, только что подвергшийся избиению, а потом разбуженный Лэ Тин на самом деле с трудом отражал удар, а услышав вопрос о собственном лице, деланно фыркнул и, уголком глаз окинув стоящего в стороне раздетого и невинного Сяо Лю, только и смог глухо ответить:

— Этот генерал сегодня утром, собираясь покинуть резиденцию, седлал коня, но эта тварь неизвестно почему встала на дыбы, напугано заржала и крайне злобно и безжалостно скинула на землю этого генерала.

— Ах... Оказывается, конь... — все чиновники внезапно всё осознали.

Конечно, никто из них под страхом смерти не посмел спросить: почему у упавшего с коня генерала на лице два отчётливых следа от ладоней. Однако стоящий в стороне Сяо Лю в душе чуть не надорвал живот от смеха, но нельзя было показывать след копыт[19], потому юноша вынужденно поджал губы и утолил жажду чашкой чая.

Но всё же те, кто увидел шелковинку его улыбки, мысленно удостоверились в своих догадках: так и есть, посланник от Его Высочества всей душой хочет умертвить Чао Аня. Увидев, что генерал Лэ Тин вернулся, а это значит, что преступник обречён, этот господин Лю

беспрерывно щурит глаза, улыбаясь.

На что помощник полководца запросил указаний:

— Времени осталось немного, позвольте спросить генерала: сегодняшняя казнь всё же состоится или нет?

— Конечно! — не говоря лишних слов, генерал сразу кивнул. Иначе придётся переносить представление и фокус не удастся, отчего потом генерал[20] будет страдать до смерти!

— Эй, кто-нибудь, приведите сюда преступника!

Вслед за этими словами, что прокатились по помосту, стоящие в стороне родственники заключённого внезапно подняли плач до небес. Волнение охватило место казни.

«Убийство!» — по-видимому, несчастного Чао Аня действительно сегодня убьют ни за что!

Затерявшийся в толпе Фэн Мин тоже дрожал от переполнявшего волнения.

«И впрямь так волнительно, что хочется плакать. Тщательно подготовленный этим князем Мином магический номер по оживлению человека в нынешнем поколении должен состояться впервые и предопределить огромные перемены, после всяческих тягот и невообразимых затруднений, наконец-то, наконец-то, наконец-то... Поднимается занавес!»

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «9 из десяти» (九九十), т.е. 90% или же 9/10.

[2] Обр. дилетант, недоучка, полужайка, букв. трёхлапая кошка.

[3] Обр. в знач.: сердце кровью обливается, душа разрывается от горя; убиваться, страдать.

[4] В оригинале фраза звучит как «ветер и облака изменили свой цвет», обр. ситуация резко изменилась.

[5] В оригинале фраза звучит как «беречь слова, как золото», обр. неразговорчивый, молчаливый, немногословный.

[6] 肉體 — ròujìàng, что можно перевести не только как «мясной соус, мясная подлива», но ещё и «тело (как правило, труп казнённого), изрубленное в крошево».

[7] В оригинале фраза 三魂七魄 (sānhúnqīpò) звучит как даосский термин «тройственное духовное (разумное) начало и семь нечистых (животных) духов (в теле человека)»; всё духовное (в человеке).

[8] Полная фраза звучит как «стоять, как журавль среди кур», обр. в знач.: возвышаться над

окружающими, выделяться, возвыситься.

[9] Имеется в виду, что князя пронзила мысль, словно гром среди ясного неба, о будущем несчастье. Красные облака, опустившиеся на голову и заставшие взор, здесь являются предвестниками беды.

[10] Метафора, обозначающая человека, который, растерявшись, слишком красноречив.

[11] В знач.: стал крайне храбрым. Дело в том, что печень и желчный пузырь по древним представлениям — средоточие лучших чувств души человека и источник благородства и доблести.

[12] Здесь игра слов: Фэн Мин не понял, что Жун Ху назвал имя Сяо Лю (肖), лишь услышал другое «лю» — 溜(liū, liù), которое немного созвучно с именем Сяо Лю и как раз означает «скрываться», «улизнуть».

[13] Полная фраза дословно звучит как «гряды гор, вода — и нет пути вперёд, но вдруг открылось предо мной селение под сенью ив», что означает свет в конце тоннеля, надежда.

[14] Последняя фраза является частью идиомы, которая звучит как «сбиться с ног в поисках того, что впоследствии нашлось само», что значит «за решением проблемы далёко и ходить не стоит».

[15] Имеется в виду облавные шашки или го.

[16] Сумасбродов.

[17] Кушанье из клейкого риса с разнообразными начинками, завернутое в тростниковые листья, традиционно готовится на фестиваль Дуанью (двойной пятёрки), отмечаемый в июне.

[18] В оригинале Тайцзян чиновники называют 兄 — сюн, что означает старший брат, но ещё и уважаемый друг, глубокоуважаемый (вежливое обращение к сверстнику).

[19] Полная фраза звучит как «нить паутины (которая ведет к жилью паука) и следы копыт лошади (или сверчка)», обр. ключ к разгадке, след, путеводная нить, зацепка.

[20] В оригинале генерал называет себя «Лао-цзы», что означает «я» (гневно или шутливо о себе).

<http://bllate.org/book/13377/1190220>